

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БАРАБАНОВ против РОССИИ»

(Жалобы №№ 4966/13 и 5550/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

30 января 2018 года

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Барабанов против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая
Палатой в составе:

Хелена Йедерблом, Председатель,

Луис Лопес Герра,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес,

Йолин Схёккинг, судьи,

а также Фатош Араци, *Заместитель секретаря Секции,*
проведя заседание за закрытыми дверями 9 января 2018 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании двух жалоб (№№ 4966/13 и 5550/15) против Российской Федерации, поданных в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Андрея Николаевича Барабанова (далее — «заявитель»), 26 декабря 2012 года и 19 декабря 2014 года, соответственно.

2. Интересы заявителя представляла С.И. Сидоркина, адвокат, практикующий в г. Москве и И.В. Хрунова, адвокат, практикующий в г. Казани. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г.О. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник М. Л. Гальперин.

3. Заявитель жаловался на преследование и признание виновным в участии в массовых беспорядках. Он указал, что его предварительное содержание под стражей не имело соответствующих и достаточных оснований, и что имели место неприемлемые задержки при рассмотрении его апелляций в отношении его содержания под стражей. Заявитель также утверждал, что имело место нарушение его права на свободу выражения мнения и права на мирные собрания.

4. 10 сентября 2013 года и 20 апреля 2015 года данные жалобы были коммуницированы Властям. Было принято решение рассмотреть данные жалобы в приоритетном порядке на основании правила 41 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1990 года рождения, проживает в г. Москве.

A. Демонстрация 6 мая 2012 года

6. Факты, касающиеся планирования, проведения и разгона демонстрации на Болотной площади, более подробно изложены в постановлении Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункты 7-65), а также в постановлении Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) (жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 7-33). Доводы сторон относительно обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к настоящему делу, изложены ниже.

7. 6 мая 2012 года в центре Москвы прошла манифестация под названием «Марш миллионов» в знак протеста против предположительно сфальсифицированных выборов президента. Мероприятие было согласовано с городскими властями в форме шествия и последующего митинга на Болотной площади, который должен был завершиться в 19:30. Шествие было мирным и проходило без каких-либо нарушений, но когда участники шествия дошли до Болотной площади, выяснилось, что установленные полицией заграждения сузили проход на место проведения митинга и предположительно ограничивали место, выделенное для его проведения. Для контролирования толпы полицейский кордон удерживал протестующих в периметре заграждений; имели место множественные столкновения между двумя сторонами. В 17:30 полиция объявила о досрочном завершении митинга и начала разгонять участников. Для того чтобы очистить площадь, потребовалось около двух часов.

8. В тот же день управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве возбудило уголовное дело для расследования предполагаемых массовых беспорядков и насильственных действий в отношении полиции (ч. 2 статьи 212 и ч. 1 статьи 318 Уголовного Кодекса). 18 мая 2012 года материалы дела были направлены в штаб-квартиру Следственного комитета для дальнейшего расследования. 28 мая 2012 года было также начато расследование уголовного преступления в виде организации массовых беспорядков (часть 1 статьи 212 Уголовного кодекса). В тот же день два уголовных дела были объединены в одно производство.

Б. Задержание и предварительное заключение заявителя

9. На момент задержания заявитель работал художником. По его словам, 6 мая 2012 года он прибыл на Калужскую площадь для участия в демонстрации и прошел с другими участниками по улице Якиманка до Болотной площади. Он прошел металлоискатели и присоединился к другим протестующим перед сценой, где выступала рок-группа. Около 18:00 он прошел к Малому Каменному Мосту, но обнаружил, что движение в указанном направлении было блокировано полицейским кордоном. Заявитель прошел в обратном направлении, оставаясь в общей зоне; приблизительно в 19:30 группы полицейских начали толкать толпу, разделяя ее с помощью дубинок. Протестующие были окружены и прижаты друг к другу. В определенный момент заявитель осознал, что он стоит перед шеренгой полицейских, и что полиция применяет чрезмерную силу для задержания протестующих. Заявитель был разозлен и напуган действиями полиции и активно сопротивлялся. В итоге он был задержан четырьмя полицейскими и препровожден к полицейскому автомобилю, и впоследствии в отделение полиции.

10. 14 мая 2012 года мировой судья судебного участка № 100 Якиманского района г. Москвы признал заявителя виновным в неподчинении законному распоряжению полицейского – преступлении в соответствии со статьей 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. Мировой судья установил, что после митинга на Болотной площади заявитель выкрикивал антиправительственные лозунги, игнорируя законные требования полиции прекратить такие действия. Он бросал в полицейских различные объекты, включая камни, флагштоки, пустые пластиковые бутылки и куски асфальта, и отказался пройти к полицейскому фургону. Заявитель был приговорен к лишению свободы на двадцать четыре часа. По-видимому, после освобождения заявитель продолжал проживать по своему обычному адресу и заниматься своей обычной деятельностью.

11. 28 мая 2012 года в квартире заявителя был произведен обыск. В тот же день он был заключен под стражу по подозрению в участии в массовых беспорядках и насильственных действиях в отношении полиции 6 мая 2012 года.

12. 30 мая 2012 года Басманный районный суд г. Москвы распорядился о предварительном содержании заявителя под стражей до 6 июля 2012 года. Он сослался на тяжесть предъявленных обвинений и указал, что при нахождении на свободе заявитель может координировать свою позицию с сообщниками, личности которых все еще устанавливаются следствием. Суд также указал, что заявитель, применяя силу, оказывал сопротивление полицейским при задержании, что привело к применению полицейскими силы и наручников к заявителю. Также суд ссылаясь на информацию, полученную из

источников, работающих под прикрытием, о том, что заявитель был связан с футбольными фанатами и группами анархистов. Заявитель отрицал это и оспорил использование информации, полученной из конфиденциальных источников. Тем не менее, суд заключил, что имелись достаточные причины полагать, что заявитель может скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелям, уничтожить улики или иным образом затруднить уголовное судопроизводство. Он отклонил ходатайство заявителя в отношении альтернативной превентивной меры и заключил, что освобождение заявителя не требовалось в связи с состоянием здоровья последнего.

13. 4 июня 2012 года заявитель подал апелляцию в отношении распоряжения о заключении под стражу, которая была отклонена Московским городским судом 27 июня 2012 года.

14. 5 июня 2012 года заявителю были предъявлены обвинения в соответствии с двумя статьями Уголовного кодекса, частью 2 статьи 212 (участие в массовых беспорядках с применением насилия) и частью 1 статьи 318 (применение насилия в отношении представителя власти). В частности, он был обвинен в активном сопротивлении полицейским и в участии в групповом нападении на полицейского, при котором заявитель предположительно стянул защитный шлем с головы полицейского и бил его руками и ногами по голове и телу.

15. 4 июля 2012 года Басманный районный суд рассмотрел новое ходатайство следователя о продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей. Заявитель возразил, что он ранее не привлекался к уголовной ответственности, работал и имел постоянное место жительства в г. Москве, где проживал со своей семьей. Он отрицал свои связи с футбольными фанатами или анархистами и ходатайствовал об изменении превентивной меры на домашний арест. В тот же день районный суд удовлетворил ходатайство следователя и продлил срок содержания заявителя под стражей до 6 ноября 2012 года. Он ссылаясь на тяжесть обвинений и информацию о характере заявителя, что являлось достаточным основанием для того, чтобы предположить, что заявитель может повторно совершить преступление, угрожать свидетелям и другим участникам судебных разбирательств по уголовному делу, уничтожить улики или иным образом затруднить надлежащее отправление правосудия.

16. 12 июля 2012 года заявитель подал апелляцию в отношении распоряжения о продлении срока его содержания под стражей, которая была отклонена Московским городским судом 6 августа 2012 года.

17. 31 октября 2012 года Басманный районный суд рассмотрел новое ходатайство о продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей. Ссылаясь на тяжесть обвинений и сложность

уголовного расследования, суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 6 марта 2013 года.

18. 13 ноября 2012 года заявитель подал апелляцию в отношении распоряжения о продлении срока его содержания под стражей, которая была отклонена Московским городским судом 3 декабря 2012 года.

19. 16 ноября 2012 года обвинения против заявителя были обновлены. Классификация преступлений осталась без изменений, но было указано, что заявитель ударил полицейского один раз по голове и один раз ударил ногой по телу, когда полицейский лежал на земле.

20. 1 марта 2013 года Басманный районный суд вновь продлил срок содержания заявителя под стражей до 28 мая 2013 года. Суд ссылаясь на тяжесть обвинений и необходимость предоставления ответчикам достаточного срока для ознакомления с материалами дела. Указанное решение было оставлено в силе Московским городским судом 10 апреля 2013 года.

21. 23 апреля 2013 года Московский городской суд разрешил продление срока содержания заявителя под стражей до 6 июля 2013 года. Суд отметил, что несмотря на то, что заявитель и его адвокат уже завершили ознакомление с материалами дела, другие ответчики еще не сделали этого. Он повторил основания, указанные в предыдущих распоряжениях о продлении срока содержания под стражей и указал, что обстоятельства, которые являлись основаниями для вынесения распоряжения о заключении под стражу, не изменились. Московский городской суд оставил указанное решение в силе 30 мая 2013 года.

22. 24 мая 2013 года уголовное дело в отношении заявителя было направлено в Замоскворецкий районный суд г. Москвы для определения уголовных обвинений.

23. 6 июня 2013 года этот суд вновь продлил срок содержания заявителя под стражей до 24 ноября 2013 года. Это решение касалось одиннадцати подсудимых. В своем решении суд опирался, наряду с тяжестью предъявленных обвинений, на выводы о том, что «основания, которые изначально обуславливали заключение под стражу, не изменились», и что «никакие другие меры пресечения не обеспечат цели и задачи судопроизводства». 2 июля 2013 года Московский городской суд оставил постановление о продлении срока содержания под стражей без изменений.

24. 19 ноября 2013 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы вынес еще одно постановление о продлении срока содержания под стражей в отношении девяти подсудимых, включая заявителя. Он распорядился о продлении срока содержания заявителя под стражей до 24 февраля 2014 года на основании тяжести обвинений и характера вмененных преступлений. 17 декабря 2013 года Московский городской суд оставил постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей без изменений.

В. Условия в зале суда

25. 6 июня 2013 года судебные разбирательства начались в зале для слушаний № 338 Московского городского суда, и в конце июля 2013 года были перенесены в зал для слушаний № 635. В обоих залах для слушаний ответчики, включая заявителя, содержались в стеклянных кабинках. С середины сентября 2013 года до конца 2013 года слушания продолжались в Никулинском районном суде г. Москвы в зале для слушаний № 303, и в январе и феврале 2014 года слушания проводились в Замоскворецком районном суде в зале для слушаний № 410. Указанные залы для слушаний были оборудованы металлическими клетками, в которых девять ответчиков (с 19 декабря 2013 года – семь ответчиков), включая заявителя, находились в ходе слушаний.

26. Подробное описание условий в указанных залах для слушаний приведено в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 74-77).

Г. Рассмотрение дела заявителя

27. 6 июня 2013 г. Замоскворецкий районный суд г. Москвы начал предварительное слушание по уголовному делу в отношении десяти участников демонстрации на Болотной площади, которые обвинялись в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейских. 18 июня 2013 года суд начал рассмотрение дела по существу.

28. В неустановленный день полицейский К., предполагаемый потерпевший в результате нападения заявителя, был допрошен в качестве свидетеля. Он указал, что выполнял приказ по разделению толпы, когда кто-то потянул его за пуленепробиваемый жилет. Он упал на землю; кто-то несколько раз ударил его и снял с него защитный шлем. Другие полицейские подобрали его и отбили от толпы. В результате падения и ударов он получил телесные повреждения. Другой полицейский, В.К., указал, что заявитель бил ногами неустановленного полицейского.

29. Трое других полицейских, также допрошенные в качестве свидетелей, указали, что заявитель оказывал сопротивление задержанию, упираясь и пытаясь убежать. Он также ругался и кричал в сторону полицейских.

30. 21 февраля 2014 года Замоскворецкий районный суд признал заявителя виновным по всем пунктам обвинения. В частности, он постановил следующее:

«С 16:00 до 20:00 6 мая 2012 года.... на Болотной площади....неустановленные лица...призывали присутствующих [на месте проведения мероприятия] двигаться

за пределы согласованного места проведения мероприятия, к нарушению законных приказов полиции..., применению насилия...что привело к массовым беспорядкам, сопровождавшимся применением насилия к представителям власти в связи с исполнением их обязанностей [и] разрушением имущества.

В тот же день, не позднее 17:00, [ответчики] решили принять участие в массовых беспорядках и применить насилие в отношении... полицейских...

Более того,... участники массовых беспорядков кидали в полицейских куски гудрона, камни, палки и другие объекты..., которые попадали в полицейских, и [ответчики],... [которые] которые принимали участие в массовых беспорядках,... реализовали свое преступное намерение по применению насилия в отношении представителей власти..., применив физическую силу, что не представляло опасности для жизни или здоровья таких [представителей власти] ...

Таким образом, [заявитель] применил насилие в отношении полицейского [К.], что не нанесло вред жизни или здоровью последнего ...

... между 17:10 и 20:20. ... неустановленные участники массовых беспорядков ... намеренно схватили [К.] за форменную одежду и сбили его с ног, в то время как [заявитель], вместе с другими неустановленными участниками массовых беспорядков, действуя намеренно ... сняли с [К.] защитный шлем ... и несколько раз ударили его руками и ногами по голове и телу, тогда как [заявитель] ударил [К.] рукой по голове минимум один раз и минимум один раз ударил [К.] ногой по телу, когда тот лежал на земле. ...

[Заявитель] ... заявил о своей невинности и указал, что ... он хотел увидеть, почему митинг не начинался, и пошел к Малому Каменному Мосту, где увидел кордон ... Приблизительно в 19:30 [заявитель] увидел, как полицейские ... начали избивать людей дубинками. ... Затем произошел конфликт... В определенный момент [заявитель] обнаружил, что находится на передней линии, и увидел, как полицейские задерживают и избивают людей, которые пытаются увернуться от ударов. Его несколько раз ударили по плечу и по голове, что привело к головокружению. Он был напуган, думал, что его жизнь в опасности, и в состоянии ярости он двигался к полицейскому, который оказался [К.] и затем сдвинул свою ногу в направлении полицейского, который вставал. [Заявитель] не видел, кто сбил полицейского с ног... [Он] не знал, достигла ли его рука цели, но предполагал, что он смог дотронуться до пуленепробиваемого жилета. Он определенно не трогал [К.] ногой и не причинял ему вреда. Несколько минут спустя он был отделен от толпы и избит, его футболка была порвана, затем ... четверо полицейских задержали его и повели вдоль площадки к полицейскому автомобилю. [Заявитель] настаивает на том, что он не нанес никаких телесных повреждений полицейскому, и что его действия, спровоцированные паникой, были осуществлены в ответ на события, которые происходили вокруг него. ...

... суд считает аргументы [ответчиков] о том, что они защищали кого-то от полицейских, или стали потерпевшими в результате применения силы полицейскими, вымышленными и направленными на то, чтобы избежать ответственности...

... в суд не было представлено медицинских документов, которые могли бы доказать наличие телесных повреждений на теле [заявителя]».

31. Заявитель был приговорен к трем годам и семи месяцам лишения свободы, рассчитанным на основании трех лет лишения

свободы в соответствии с частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса, частично совпадающих с одним годом и восемью месяцами лишения свободы в соответствии с частью 1 статьи 318 Уголовного кодекса. Срок предварительного содержания заявителя под стражей был зачтен в срок тюремного заключения.

32. Заявитель обжаловал это постановление. Он оспаривал классификацию преступлений в соответствии со статьей 212 и статьей 318 Уголовного кодекса. Он настаивал на том, что являлся потерпевшим в результате незаконных действий полиции, и что его участие в применении насилия в отношении полицейского не было доказано.

33. 20 июня 2014 года Московский городской суд оставил без изменений постановление, вынесенное судом первой инстанции.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

34. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает:

Статья 212 Массовые беспорядки

«1. Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, наказываются лишением свободы на срок от четырех до десяти лет.

2. Участие в массовых беспорядках, предусмотренных частью первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

3. Призывы к массовым беспорядкам, предусмотренным частью первой настоящей статьи, или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Статья 318 Применение насилия в отношении представителя власти

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет...»

35. Краткое изложение применимого национального законодательства, регулирующего предварительное заключение под стражу, а также практики внутригосударственных судов приводится в постановлении Европейского Суда от 24 марта 2016 года по делу

«Жеребин против России» (*Zherebin v. Russia* (жалоба № 51445/09, пункты 16-25).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

36. В связи с тем, что данные жалобы относятся к общим фактам и правовым вопросам, Суд принял решение объединить две жалобы в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

37. Заявитель жаловался на то, что его содержание в стеклянной кабине и в металлических клетках во время судебных слушаний в суде первой инстанции и во время апелляционных слушаний представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

38. Власти указали, что жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции были поданы с нарушением срока. Они повторили свои замечания, приведенные в постановлении Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) (жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункт 113) в данном отношении.

39. Суд повторяет свои выводы о том, что содержание заявителя в стеклянных кабинах и металлических клетках относилось к двум разным периодам для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что апелляционные суды были не в состоянии предоставить возмещение в отношении условий в залах суда в ходе слушаний в суде первой инстанции. Следовательно, шестимесячный срок следует рассчитывать с даты, когда прекратилось предполагаемое жестоко обращение (там же, пункт 114).

40. Что касается суда первой инстанции, Суд отмечает, что предполагаемое жестокое обращение посредством помещения в стеклянные кабины началось 6 июня 2013 года и завершилось в не-установленный день в сентябре 2013 года, когда судебные разбирательства были перенесены в Никулинский районный суд г. Москвы (см. пункт 25 выше). Содержание под стражей в

металлических клетках прекратилось 21 февраля 2014 года, когда было вынесено соответствующее постановление. Заявитель подал свою жалобу 19 декабря 2014 года, более чем через шесть месяцев после того, как прекратилось предполагаемое жестокое обращение в ходе слушаний в суде первой инстанции. Следовательно, указанная жалоба должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 15 ноября 2007 года по делу «Гришин против России» (*Grishin v. Russia*), жалоба № 30983/02, пункт 83).

41. Суд также отмечает, что слушание по апелляции было проведено 20 июня 2014 года, тогда как заявитель подал жалобу на предполагаемое жестокое обращение 19 декабря 2014 года. Таким образом, им соблюдено требование шестимесячного срока. Тем не менее, заявитель не указал, содержался ли он в стеклянной кабине или в металлической клетке в ходе слушания по апелляции. Аналогичным образом, он не указал, даже в общем, условия содержания, такие как размеры кабины или клетки, размеры пространства, предоставленного каждому ответчику, или наличие вентиляции или возможность консультации с адвокатом. В таких обстоятельствах Суд не в состоянии вынести постановление по жалобе заявителя на предполагаемое жестокое обращение в связи с условиями в зале суда в ходе слушания по апелляции (см., с соответствующими изменениями, решение Европейского Суда от 18 марта 2014 года по делу «Топал против Республики Молдова» (*Topal v. the Republic of Moldova*), жалоба № 37509/05, пункты 37-38). Следовательно, эта жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

42. Ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, заявитель жаловался на то, что его предварительное заключение под стражу не базировалось на «обоснованном подозрении» в том, что он совершил преступление. Он также жалуется на то, что его предварительное содержание под стражей не имело под собой «значительных и достаточных оснований», как того требует пункт 3 статьи 5 Конвенции. Статья 5 Конвенции в части, относящейся в делу, гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:..

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному

подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному согласно закону судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Приемлемость жалобы

43. Что касается предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей, Суд отмечает, что именно Басманный районный суд г. Москвы вынес распоряжение о применении указанной меры, и впоследствии несколько раз продлевал срок ее применения. Одно распоряжение о продлении срока содержания под стражей также было вынесено Московским городским судом. После того, как его дело было передано в суд Замоскворецкий районный суд г. Москвы вынес постановление о заключении под стражу. Внутригосударственные суды при принятии таких решений действовали в рамках своих полномочий, и нет оснований полагать, что данные решения являлись недействительными или незаконными с точки зрения национального законодательства. Следовательно, содержание заявителя под стражей было вызвано необходимостью и продлевалось в порядке, предусмотренном законом.

44. Что касается утверждения о том, что заключение заявителя под стражу не базировалось на обоснованном подозрении в том, что он совершил преступления, то жалоба заявителя, поданная на основании пункта 1 статьи 5, во многом пересекается с жалобой, поданной на основании пункта 3 статьи 5, на то, что власти не привели значительных и достаточных оснований, оправдывающих продление срока содержания заявителя под стражей на период уголовного судопроизводства. Суд напоминает, что подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в основном касается существования законного основания для содержания под стражей в рамках уголовного производства, тогда как пункт 3 статьи 5 Конвенции касается возможного обоснования такого содержания под стражей. Кроме того, в соответствии с устоявшейся практикой Суда, согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции, существование обоснованного подозрения является обязательным условием для законности продолжительного содержания под стражей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, п. 87, ЕСПЧ 2016 (выдержки)). Суд

считает более целесообразным рассмотреть данную жалобу с точки зрения пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 17 сентября 2015 года по делу «Ковязин и другие против России» (*Kovyazin and Others v. Russia*), жалобы №№ 13008/13 и 2 другие жалобы, пункт 71; постановление Европейского Суда от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункт 46; а также постановление Европейского Суда от 31 мая 2011 года по делу «Ходорковский против России» (*Khodorkovskiy v. Russia*), жалоба № 5829/04, пункт 165).

45. Кроме того, Суд считает, что жалоба заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

46. Стороны привели по сути те же доводы по статье 5 Конвенции, что и в упоминаемом выше постановлении по делу «Ковязин и другие против России» (пункты 73-74). Соответствующие общие принципы, применимые к настоящему делу, описаны Судом в вышеупомянутом постановлении (там же, пункты 75-78).

47. Период содержания под стражей, который следует принимать во внимание в настоящем деле, начался 28 мая 2012 года, т.е. с даты задержания заявителя, и завершился 21 февраля 2014 года. Соответственно, рассматриваемый период составляет один год и девять месяцев. Принимая во внимание этот значительный срок содержания под стражей в свете презумпции в пользу освобождения, Суд считает, что российские органы власти должны были привести очень весомые причины для применения к заявителю этой меры.

48. Из распоряжений о заключении заявителя под стражу и замечаний Властей следует, что основной причиной для содержания под стражей послужила тяжесть предъявленных обвинений. Внутригосударственные суды сочли, что заявитель, столкнувшись с угрозой тюремного заключения, вероятно, мог скрыться, оказать давление на свидетелей и вмешаться в отправление правосудия. Дополнительно, внутригосударственные суды ссылались на тот факт, что заявитель с применением силы оказывал сопротивление задержанию 6 мая 2012 года, и на информацию из конфиденциальных источников о том, что заявитель был связан с футбольными фанатами и группами анархистов. Суд сочли, что указанные факторы указывали на риск того, что заявитель повторно совершит преступление и затруднит ход уголовного судопроизводства (см. пункт 15 выше).

49. Суд отмечает, что заявитель отрицал любые связи с футбольными фанатами, анархистами или другими группами, но суды не попытались проверить оспоренные факты. Более того, они ссылались на разведывательные документы без оценки необходимости их разглашения, тем самым лишая заявителя возможности оспорить соответствующие утверждения. В любом случае, риск того, что заявитель вступит в сговор с другими лицами или окажет давление на свидетелей, снижался по прошествии времени. Также суды не ссылались на конкретные факты, на основании которых имелся риск того, что заявитель скроется или затруднит отправлению правосудия, и такие риски оценивались абстрактно и гипотетически. Наконец, суды не указали действительных причин отклонения ходатайств заявителя об альтернативной превентивной мере.

50. Ранее Суд уже рассматривал аналогичные жалобы, поданные соответчиками заявителя, где он признал нарушение их прав, закрепленных в пункте 3 статьи 5 Конвенции (см. упоминаемое выше постановление по делу «Ковязин и другие против России», пункты 82-94, и упоминаемое выше постановление по делу «Ярослав Белоусов против России», пункты 133-38). Суд, в частности, отметил, что внутригосударственные суды ссылались на тяжесть предъявленных обвинений как на основной фактор при оценке вероятности того, что заявитель скроется, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует отправлению правосудия, а также их нежелание уделить должное внимание оценке личной ситуации заявителя и учесть факторы, говорящие в пользу освобождения. Он также отметил использование коллективных постановлений о заключении под стражу без проведения индивидуальной оценки оснований для заключения под стражу каждого соответчика, и отсутствие тщательного рассмотрения возможности избрания менее жесткой меры пресечения, такой как освобождение под залог.

51. Рассмотрев все представленные материалы, Суд полагает, что Власти не предоставили каких-либо фактов или доводов, способных привести к иным выводам по настоящему делу. В самом деле, определенное преступление, вмененное заявителю – нанесение ударов по голове и телу полицейского, не причинившие длящегося вреда (классифицированное в качестве тяжкого преступления) – первоначально могло гарантировать предварительное содержание заявителя под стражей. Тем не менее, с течением времени характер и тяжесть соответствующего преступления, как основание продолжительного содержания заявителя под стражей приобретали все меньшее значение (см. вышеупомянутое постановление по делу «Ковязин и другие против России», пункт 85, а также постановление Европейского Суда от 3 апреля 2014 года по делу «Артемьев против России» (*Artemov v. Russia*), жалоба № 14945/03, пункт 75). Суд также

отмечает, что срок содержания заявителя под стражей был продлен теми же коллективными распоряжениями, что и в отношении его соответчиков, без проведения индивидуальной оценки его ситуации (там же, п.п. 92-93).

52. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции на задержки судебного рассмотрения его апелляций в отношении распоряжения о заключении под стражу от 30 мая 2012 года и распоряжений о продлении срока содержания заявителя под стражей от 4 июля и 31 октября 2012 года. Пункт 4 статьи 5 гласит следующее:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Приемлемость

54. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

55. Стороны оспорили два периода, в течение которых проводились апелляционные разбирательства в отношении распоряжений о продлении сроков содержания под стражей от 4 июля и 31 октября 2012 года. Заявитель указал, что апелляции были поданы 9 июля и 5 ноября 2012 года. Тем не менее, согласно штампам суда, апелляции были получены 12 июля и 13 ноября 2012 года, соответственно. Следовательно, Суд принимает указанные даты в качестве точек отсчета для расчета продолжительности апелляционных разбирательств.

56. Власти указали, что продолжительность апелляционных разбирательств являлась совместимой с требованием к «безотлагательности» в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, что было оспорено заявителем.

57. Соответствующие общие принципы, применимые к настоящему делу, описаны Судом в вышеупомянутом постановлении по делу Ковязина и других (пункт 98).

58. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что апелляция в отношении распоряжения о заключении под стражу от 30 мая 2012 года была подана 4 июня и рассмотрена 27 июня 2012 года. Апелляция заявителя в отношении распоряжения о заключении под стражу от 4 июля была подана 12 июля и рассмотрена 6 августа 2012 года. Апелляция заявителя в отношении распоряжения о заключении под стражу от 31 октября была подана 13 ноября и рассмотрена 3 декабря 2012 года. Соответственно, судебные разбирательства по апелляции длились двадцать три, двадцать пять и двадцать дней. Не существует никаких оснований предполагать, что заявитель стал причиной задержек в рассмотрении его апелляций. Суд не считает, что внутригосударственные суды действовали с надлежащей осмотрительностью в отношении важного вопроса о праве на свободу, потратив так много времени на планирование слушания. Суд заключает, что указанные периоды не могут быть рассмотрены в качестве совместимых с требованием «безотлагательности» пункта 4 статьи 5, особенно принимая во внимание тот факт, что вся продолжительность указанных периодов имела место по вине органов власти (см., к примеру, постановление Европейского Суда от 3 марта 2011 года по делу «Купцов и Купцова против России» (*Kuptsov and Kuptsova v. Russia*), жалоба № 6110/03, пункт 107, в котором надзорные судебные разбирательства, которые длились тридцать три и двадцать пять дней, не являлись «безотлагательными», и постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 года по делу «Бутусов против России» (*Butusov v. Russia*), жалоба № 7923/04, пункты 32-35, в котором Суд счел, что задержка, составляющая двадцать дней, при рассмотрении апелляции в отношении распоряжения о заключении под стражу являлась чрезмерной).

59. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

60. Заявитель также утверждал, что имело место нарушение его права на свободу выражения мнения и права на мирные собрания. В частности, он жаловался на то, что меры безопасности, приводящие к таким нарушениям, были приняты на месте проведения митинга на Болотной площади. Он также возразил, что его последующее преследование и признание виновным в участии в массовых

беспорядках являлись произвольными и несоразмерными. Заявитель ссылаясь на статьи 10 и 11 Конвенции, которые гласят:

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Статья 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...» Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

А. Приемлемость жалобы

61. Власти утверждали, что заявитель не подавал жалоб в внутригосударственные суды в отношении общих действий полиции по защите общественного порядка в ходе собрания. Следовательно, они ходатайствовали перед Судом об объявлении данной части жалобы неприемлемой по причине неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты или по причине несоблюдения шестимесячного срока.

62. Заявитель указал, что он отправил жалобу в течение шести месяцев после вступления его приговора в силу. Следовательно, он выполнил требования к приемлемости для данной жалобы.

63. Суд отмечает, что заявитель в настоящем деле был признан виновным в участии в массовых беспорядках, которые привели к

прерыванию собрания. Следовательно, основание ответственности за указанные действия являлось основным вопросом при определении уголовных обвинений заявителя. В таких обстоятельствах его жалоба на роль органов власти в том, что имели место беспорядки, неотделима от вопроса об отсутствии обоснования в отношении его уголовной ответственности. По этой причине от Суда не требуется оценка предполагаемого неисполнения органами власти своего позитивного обязательства в отношении проведения собрания на Болотной площади в качестве отдельного вопроса в соответствии со статьей 11 Конвенции. Суд рассмотрит вопрос о том, соответствовали ли меры, принятые в отношении заявителя, указанному положению, с учетом всех материалов, представленных сторонами в отношении планирования, проведения и разгона собрания (см. постановление по делу Ярослава Белоусова, упомянутое выше, пункт 158, и постановление Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*), жалоба № 74568/12, пункты 100-01 и 134, в которых был поднят отдельный вопрос в отношении протестующего, не обвиненного в участии в массовых беспорядках). Следовательно, нет необходимости рассматривать, выполнил ли заявитель требования приемлемости в отношении жалобы на общие действия полиции в ходе мероприятия.

64. Суд отмечает, что жалобы заявителя на преследование и признание виновным, поданные в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции, не являются явно не-обоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

65. Замечания Властей по существу дела были идентичны представленным в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 160-63).

66. Заявитель указал, что у него не было возможности покинуть место проведения общественного мероприятия по причине стихийных массовых движений. Он настаивал на том, что вел себя мирно в ходе демонстрации и шествия; он не намеревался применять силу до тех пор, пока не столкнулся с полицией, которая действовала чрезвычайно жестко. Более того, внутригосударственные суды не рассмотрели вопрос о том, каким образом действовала полиция в ходе вмешательства в законный митинг и разгона толпы. Суды также не

оценили, насколько ответственно действовала полиция в ходе столкновений с участниками общественного мероприятия.

2. Оценка обстоятельств дела Европейским Судом

(а) Предметный охват жалоб заявителя

67. Суд отмечает, что в обстоятельствах настоящего дела статью 10 Конвенции следует рассматривать в качестве *lex generalis* в отношении статьи 11 Конвенции, *lex specialis* (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), пункт 35, Серия А № 202, и постановление Европейского Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункты 82-83). Суд рассмотрит настоящую жалобу в соответствии со статьей 11 Конвенции.

68. С другой стороны, несмотря на ее независимую роль и особую сферу применения, статья 11 Конвенции в настоящем деле должна также рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита личного мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одной из целей права на свободу мирных собраний, закрепленного статьей 11 Конвенции (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу Эзелина, пункт 37).

(б) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний

69. Суд ранее указывал, что собрание на Болотной площади 6 мая 2012 года относилось к рамкам действия статьи 11 Конвенции (см. постановление по делу Ярослава Белоусова, упомянутое выше, пункты 168-71). Что касается заявителя, из описания вмененных ему преступлений не следует того, что он находился в числе лиц, несущих ответственность за первоначальные агрессивные действия, которые способствовали ухудшению первоначального мирного характера собрания. Соответственно, он пользовался защитой в соответствии со статьей 11 Конвенции. Суд также заключает, что преследование и признание заявителя виновным в участии в массовых беспорядках представляли собой вмешательство в осуществление свободы собраний.

(в) Являлось ли вмешательство «предписанным законом», преследовало ли оно законную цель и являлось ли «необходимым в демократическом обществе»

70. Стороны привели по сути такие же доводы в отношении законности вмешательства, что и указанные в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункт 173). Суд не видит

причин для иного вывода по настоящему делу (там же, пункты 174-75). Суд заключает, что предварительное содержание заявителя под стражей и преследование являлись законными, и преследовали законные цели, состоящие в предотвращении беспорядков и преступлений и защите прав и свобод других лиц.

71. Что касается вопроса о том, являлся ли уголовный приговор «необходимым в демократическом обществе», Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в совершении двух уголовных преступлений, а именно, в участии в массовых беспорядках (статья 212 Уголовного кодекса) и совершении насильственных действий в отношении полицейского (статья 318 Уголовного кодекса). Он был приговорен к трем годам и семи месяцам лишения свободы согласно упомянутым положениям за нанесение ударов полицейскому – один раз по голове и один раз по телу – что не подвергало опасности жизнь или здоровье последнего, в ходе участия в разрешенном мирном собрании.

72. Суд повторяет, что в случае, когда лица принимают участие в насильственных действиях, государственные органы власти пользуются более широкой степенью усмотрения при рассмотрении необходимости вмешательства в свободу собраний, и наложение санкций за такие предосудительные действия считается совместимым с гарантиями, приведенными в статье 11 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 19 января 2016 г. по делу «Гюльдجو против Турции» (*Gülcü v. Turkey*), жалоба № 17526/10, пункт 116, и упомянутые в нем дела). Тем не менее, следует отметить, что лишение свободы сроком на один год и восемь месяцев в соответствии со статьей 318 Уголовного кодекса за применение насилия в отношении представителя власти, а именно, за нанесение ударов последнему, несмотря на суровость, являлось более мягким, чем частично совпадающее лишение свободы сроком на три года за участие в общественных беспорядках.

73. Основным обоснованием, указанным Властями для такого сурового приговора, являлся серьезный риск гражданских волнений, существующий в период рассматриваемых событий, в частности, угроза политической стабильности и общественному порядку. Таким образом, тяжесть наказания обусловлена общим контекстом нападения заявителя на полицейского, а не травмой, нанесенной полицейскому заявителем. Принимая во внимание другие действия, вмененные заявителю, следует, что его пребывание на месте проведения митинга привело к добавлению одного года и одиннадцати месяцев к его сроку лишения свободы. Суд отмечает, что внутригосударственные суды не указали действия заявителя как относящиеся к участию в массовых беспорядках в соответствии со статьей 212 Уголовного кодекса, в отличие от нападения на полицейского в соответствии со статьей 318

Уголовного кодекса. При описании его участия в массовых беспорядках они лишь ссылались на применение заявителем насилия в отношении полицейского, также классифицированное в качестве отдельного уголовного преступления (см., для сравнения, постановление по делу Ярослава Белоусова, упомянутое выше, пункт 178, в котором тот факт, что заявитель выкрикивал антиправительственные лозунги, расценивался как участие в массовых беспорядках).

74. При оценке суровости наказания в соответствии со статьей 212 Уголовного кодекса, Суд считает важным то, что материалы уголовного дела не указывали на предварительное намерение заявителя принять участие в массовых беспорядках. Как и в деле Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункт 179), ничего в материалах дела не предполагает того, что заявитель нес ответственность за начало столкновений между протестующими и полицией. Из обвинительного заключения следует, что заявитель ударил полицейского в разгар столкновений, когда полиция уже задерживала протестующих, и такое действие, по словам заявителя, являлось ответом на беспорядочное и необязательное применение силы полицией. Внутригосударственные суды не установили определенные обстоятельства, в которых имело место такое поведение, и отклонили аргументы заявителя в отношении чрезмерного применения силы полицией, как необоснованные, при этом оставив его утверждения непровергнутыми. Суд заключает, что заявитель не рассматривался в качестве одного из лиц, отвечающих за прерывание собрания или начало применения силы полицией. Следовательно, поведение заявителя, хоть и включало определенную степень насилия, не носило регулярного характера и, с учетом выводов внутригосударственных судов, не достигло степени агрессии, которая, как Суд установил в других делах, вела к насилию, что требовало принятия решительных мер, в частности, последующего приговора таких лиц к продолжительному лишению свободы (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункты 156-63, и решение Европейского Суда от 11 октября 2001 года по делу «Османи и другие против Бывшей Югославской Республики Македония» (*Osmani and Others v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 50841/99).

75. Принимая во внимание незначительную роль заявителя в собрании и тот факт, что он случайно принял участие в столкновениях, Суд не считает, что риски, указанные Властями, а именно, потенциальные гражданские волнения, политическая нестабильность и угроза общественному порядку, имели отношение к заявителю. Суд не одобряет насильственные действия заявителя и повторяет, что

государственные органы власти пользуются более широкой степенью усмотрения при наказании таких действий (см. постановление по делу Гюльдню, упомянутое выше, пункт 116, и постановление по делу Тараненко, упомянутое выше, пункты 81-97), и считает, что причины, указанные Властями, не могут являться основаниями для лишения свободы сроком на три года за участие в массовых беспорядках согласно статье 212 Уголовного кодекса. Суд считает, что не существовало «неотложной социальной необходимости» выносить заявителю приговор с таким сроком лишения свободы, дополнительно к приговору за нападение на полицейского.

76. Более того, надлежит подчеркнуть, что признание заявителя виновным, и в особенности суровость приговора, должны были обить у него и других лиц, поддерживающих оппозицию, и у общества в целом, желание посещать демонстрации, и, в более общем смысле, участвовать в открытых политических дебатах. Охлаждающий эффект санкций, наложенных на него, был также усилен широкомасштабными судебными разбирательствами по делу, которые широко освещались в СМИ.

77. Принимая во внимание суровость санкций, наложенных на заявителя, Суд заключает, что признание его виновным являлось мерой, несоразмерной законным целям по предотвращению беспорядков и преступлений и защите прав и свобод других лиц, и следовательно, не являлось необходимой в демократическом обществе.

78. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЕЙ 6 и 18 КОНВЕНЦИИ

79. Заявитель утверждал, что ему не была предоставлена возможность справедливого слушания в ходе уголовного судопроизводства, в нарушение статьи 6 Конвенции. Он указал, что суд отклонил аргументы и доказательства в отношении чрезмерного применения силы полиции, и признал его виновным исключительно на основании показаний полицейских. Также суды классифицировали одни и те же действия в качестве двух отдельных уголовных преступлений. Заявитель также жаловался в соответствии со статьей 18 Конвенции на то, что меры безопасности на демонстрации и его последующее преследование за совершение уголовных преступлений являлись репрессиями за критику органов власти. Более того, оно преследовало цель, которая заключалась в предотвращении проведения общественных мероприятий активистами оппозиции. Статьи 6 и 18 Конвенции в соответствующих частях гласят следующее:

Статья 6

«При предъявлении ... ему какого-либо уголовного обвинения, каждый имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом...».

Статья 18

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

80. В своих замечаниях в данном отношении стороны повторили свои аргументы в отношении предполагаемого вмешательства в право на свободу выражения мнения и свободу собраний.

81. Суд отмечает, что указанные жалобы связаны с жалобами на нарушение статьи 11 Конвенции, которые были рассмотрены выше, и поэтому также должны быть признаны приемлемыми.

82. Суд уже постановил, что признание заявителя виновным не являлось необходимым в демократическом обществе, что внутригосударственные суды не установили определенные обстоятельства, приведшие к началу столкновений между протестующими и полицией, не проверили аргументы заявителя в отношении чрезмерного применения силы полицией, и не указали, какие действия заявителя относились к его участию в массовых беспорядках, кроме относящихся к нападению на полицейского (см. пункты 72-74 выше). Он также постановил, что признание заявителя виновным привело к предотвращению и отбило у него и у других лиц желание принимать участие в митингах протеста и оппозиционной политике (см. пункты 75-76 выше). Суд уже установил нарушение статьи 11 Конвенции в данном отношении.

83. Принимая во внимание указанные выводы, Суд полагает, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, имело ли место нарушение статьи 6 Конвенции или статьи 18 совместно со статьей 11 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

84. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение положений Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного возмещения, Суд, в случае необходимости, присуждает выплату справедливой компенсации потерпевшей стороне».

А. Ущерб

85. Заявитель требовал 87 360 евро в качестве компенсации морального вреда.

86. Власти оспорили требования заявителя как завышенные.

87. В настоящем деле Суд установил нарушения статей 5 и 11 Конвенции в отношении заявителя. В данных обстоятельствах Суд считает, что страдания и стресс, которые испытал заявитель, не могут быть компенсированы лишь установлением факта нарушения. Произведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

88. Также Суд отмечает, что несмотря на то, что заявитель уже был освобожден после отбывания приговора, он все еще может столкнуться с негативными последствиями в результате несоразмерно сурового приговора. Таким образом, обязательство по исполнению настоящего постановления потребует принятия других мер. Дополнительно к выплате справедливой компенсации, присужденной Судом, цель которой заключается исключительно в возмещении последствий нарушения, которые не могут быть возмещены иным способом (см. постановление Европейского Суда по делу «Савридин Джураев против России» (*Savridin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10, пункт 252, ЕСПЧ 2013 (выдержки). Таким образом, Государство-ответчик должно принять соответствующие меры для устранения последствий любого прошлого или будущего ущерба заявителю в результате несоразмерного приговора, который, как заключил Суд, приводит к нарушению Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоzzари и Гиунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, пункт 249, ЕСПЧ 2000-VIII). В данном контексте Суд повторяет, что несмотря на то, что Государство-ответчик, в принципе, свободно выбирать способы исполнения указанного обязательства, Комитет Министров должен оценить, являются ли такие способы совместимыми с выводами, приведенными в соответствующем постановлении Суда, и соответствуют ли подходу, принятому органами Конвенции в аналогичных делах (см., к примеру, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маестри против Италии» (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, п. 47, ЕСПЧ 2004-I, и Резолюцию Комитета Министров ResDH(2010)63 от 3 июня 2010 года об исполнении постановления Европейского Суда от 21

февраля 2006 года по делу «Одабаши и Кочак против Турции» (*Odabaşı and Koçak v. Turkey*), жалоба № 50959/99).

Б. Расходы и издержки

89. Заявитель также потребовал выплатить 300 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в Суде.

90. Власти опротестовали требования заявителя о возмещении расходов и издержек на том основании, что он не представил договор об оказании юридических услуг с его адвокатом Хруновой, согласно которому они обязаны заплатить требуемые суммы.

91. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек лишь в той части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными. Суд отмечает, что Хрунова представила письменные замечания от имени заявителя в отношении предполагаемых нарушений статьей 6, 10, 11 и 18 Конвенции, и что указанные жалобы были объявлены приемлемыми. Принимая во внимание имеющиеся документы и вышеупомянутые критерии, Суд считает обоснованным удовлетворить требование и присудить заявителю 300 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе судебных разбирательств в Суде.

В. Проценты за просрочку платежа

92. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД

1. *решил*, единогласно, объединить данные жалобы в одно производство;
2. *объявил*, единогласно, жалобы на нарушение статей 5, 6, 10, 11 и 18 Конвенции – приемлемыми, а остальную часть жалобы – неприемлемой;
3. *постановил* единогласно, что было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;

4. *постановил*, единогласно, что было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
5. *постановил*, шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
6. *постановил*, единогласно, что нет необходимости в рассмотрении жалоб на нарушение статей 6 и 18 Конвенции;
7. *постановил*
  - (а) шестью голосами против одного, что государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 10 000 (десять тысяч) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве возмещения морального ущерба;
  - (а) единогласно, что власти Государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 300 (триста) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве возмещения расходов и издержек;
  - (с) единогласно, что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процентных пункта;
8. *отклонил*, единогласно, остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении в письменном виде направлено 30 января 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Дедова.

Х. Й.

Ф. А.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

Я сожалею о том, что не могу присоединиться к большинству в признании нарушения статьи 11 Конвенции. Я считаю, что применение насилия не должно быть защищено Конвенцией. Согласно общим принципам, «если демонстранты не применяют насилие, государственные органы власти должны продемонстрировать определенную степень терпимости в отношении мирных собраний» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичиус и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, пункт 150, ЕСПЧ 2015). Указанный принцип основан на крайне важном условии, что демонстранты не должны принимать участие в насильственных действиях. Сам факт применения насилия, независимо от последствий, противоречит духу мирного собрания.

В настоящем деле заявитель принимал участие в совершении насильственных действий, таких как бросание камней, флагштоков или кусков асфальта в направлении полицейских. Большинство судей, признавая, что поведение заявителя являлось насильственным, основывали свои выводы на несоразмерном характере наказания, с учетом случайного участия заявителя в столкновениях и отсутствия серьезных последствий для здоровья и жизни полицейских. Я согласен с тем, что наказание являлось несоразмерным; тем не менее, суровость наказания главным образом связана с политикой государства в отношении уголовных преступлений, а не со свободой мирных собраний. Заявитель был признан виновным в применении насилия и участии в массовых беспорядках, а не в участии в самой демонстрации. Несмотря на то, что заявитель не рассматривался в качестве одного из лиц, ответственных за прерывание собрания или начало применения силы полицией, заявитель позднее присоединился и принял участие в массовых беспорядках.

Соразмерность наказания не имеет значения, если идеи выражены без применения насилия или силы, несмотря на некоторую степень нарушения общественного порядка. Недавно соответствующий вопрос был рассмотрен Большой Палатой Европейского Суда в постановлении по делу Кудревичиуса и других, упомянутом выше. В постановлении от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*) (жалоба № 19554/05, пункты 82-91) Суд представил анализ своей практики и сформулировал принцип о том, что участники демонстрации, которая привела к ущербу или другим беспорядкам, но которые сами не совершили насильственных или иных предосудительных действий, не могут быть подвергнуты преследованию исключительно на основании их участия в демонстрации. В указанном деле заявитель присоединился к группе,

которая вторглась в приемную зону здания Администрации Президента в г. Москве и заняла один из офисов с целью распространения политических листовок среди прохожих через окна. Следовательно, занятие помещений администрации являлось неотъемлемой частью выражений идей в форме непосредственного действия. Участники оттолкнули охранника, который пытался остановить их. Аналогичным образом, в одном из «Болотных» дел (см. постановление Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*), жалобы №№ 2653/13 и 60980/14) заявитель бросил неустановленный объект желтого цвета в ходе столкновений с полицией, не причинив длящегося вреда здоровью полицейского. Суд не характеризовал ни одно из действий в качестве насильственного и оценил соразмерность наказания соответствующим образом. В самом деле, в отсутствие насилия примененное наказание не должно отбить у соответствующего лица желание передавать информацию или выражать идеи. Тем не менее, настоящее дело является совершенно иным.